

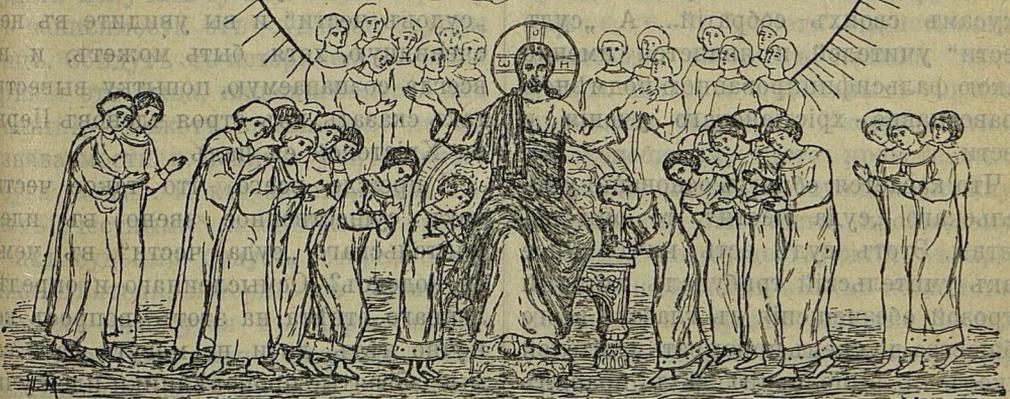
БОЖІА НИВА

СЕ ИЗЫДЕ СЪИИ ДА СЪЕТЪ.

ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КО МѢИ
НЕ БРАНИ
ТЕ ИМЪ.

АНГЛИ ИХЪ
НА НЕБСЪХЪ
ВЫНОУ ВИ
ДАТЪ ЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
НЕБНАГО.

Троицкіи Собесѣдникъ для церковно приходскихъ школъ.

ВЪ ПОИСКАХЪ ЗА ЧЕСТЬЮ.

(Къ вопросу объ учительскихъ „судахъ чести“).

Люди, недовольствующиеся дѣйствительностью, любятъ иногда создавать себѣ призраки и погружаться, хотя-бы мечтою, въ чарующій ихъ міръ грезъ и фантазій. Вотъ почему во всѣхъ областяхъ: и въ религіи, и нравственности, и въ наукѣ, и въ искусствѣ мы встрѣчаемся съ самыми крайними сужденіями и съ самыми

фантастическими предположеніями, порождаемыми вѣчно мятущеюся и незнающею надъ собою контроля людскою мыслию. Думается, не погрѣшимъ, если къ разряду этихъ крайностей отнесемъ и современную проповѣдь среди народныхъ учителей идеи о „судѣ чести“—идеи далеко не безразличной не только труженикамъ на нивѣ дѣтскихъ сер-

дець, но и вообще всѣмъ тѣмъ, кто интересуется новыми вѣяніями ¹⁾ въ общественной жизни.

И можетъ-ли быть, въ самомъ дѣлѣ, безразличнымъ узаконеніе того, что въ существѣ дѣла, является обидною подмѣною и фальсификаціею давно указанныхъ въ хрістіанствѣ правилъ жизни, что съ претензіею на новизну и признаніе общества даетъ лишь только слабый *отголосокъ* православно хрістіанскаго ученія, что является ограниченіемъ личности, подлежащей въ области нравственности суду Церкви, а не самовозглавляющейся общины, приспособляющейся къ прихотливимъ вкусамъ своихъ собратій... А „судъ чести“ учителей и является именно такою фальсифицированою подмѣною православно-хрістіанскаго ученія о чести.

Что касается общихъ основаній учительскаго „суда чести“, то они понятны. Этотъ судъ есть ничто иное какъ учительскій трибуналъ, который угрозой обезчещенія въ глазахъ всего общества долженъ призывать учителей школъ къ выполненію тѣхъ правилъ поведенія, какія тому или другому составу учителей угодно будетъ признать обязательными для чести учителя ²⁾. При этомъ, какъ видно, этотъ судъ долженъ стать не только и не столько воспитательнымъ учрежденіемъ, сколько карательнымъ собраніемъ, потому что онъ можетъ, вопреки утвержденія одного изъ параграфовъ „положенія о судахъ чести“, имѣть страшное карательное значеніе, когда

объявляетъ, на примѣръ, того или другого сотоварища безчестнымъ не только на свой уѣздъ, но и на всю Россію, послѣ чего, быть можетъ, онъ не съумѣетъ достать ни куска хлѣба, ни встрѣтить дружески протянутой руки, ни услышать ласковаго слова и даже, болѣе того; послѣ чего у него, можетъ быть, не останется желанія жить при всеобщемъ презрѣніи...

Но оставимъ въ сторонѣ карательный характеръ „суда чести“ со всѣми нежеланными, но возможными послѣдствіями, которыя должны выпасть на долю обезчещеннаго учителя... Вдумайтесь въ сущность самой идеи „судовъ чести“ и вы увидите въ ней очевидную, хотя, быть можетъ, и не всегда сознаваемую, попытку вывести, такъ сказать, изъ строя членовъ Церкви Христовой ея чадъ.

И прежде всего, что такое честь, какъ существенное звено въ идеѣ учительскаго „суда чести“, въ чемъ ея кодексъ? Осмысленнаго и опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ конечно нѣтъ, да и не могутъ дать самыя завзятые проповѣдники идеи учительскаго „суда чести“, потому что въ учительской средѣ совершенно нѣтъ общности міросозерцанія, какъ нѣтъ и единства въ пониманіи учительскихъ задачъ. Всѣмъ извѣстно, на примѣръ, что одни изъ учителей, стоящіе на формальной точкѣ зрѣнія, считаютъ себя только проводниками знанія, другіе, не въ мѣру расширяющіе область своего вліянія, считаютъ себя еще и провозвѣстниками новыхъ вѣяній, третьи, знающіе правило „побольше дѣла и поменьше словъ“, довольствуются скромной, но завидной долей воспитателя дѣтей въ духѣ завѣтовъ родной старины. Можно ли говорить здѣсь о единствѣ воззрѣній, если одинъ говоритъ о необходимости раз-

¹⁾ Однимъ изъ таковыхъ, придавшимъ надлежащее освѣщеніе этой идеѣ, является, между прочимъ, М. Новоселовъ. См. его брош. „Суды чести въ средѣ учителей“. Вышній Волочекъ, 1904 г. изд. 2-е.

²⁾ Такое приблизительно опредѣленіе учительскаго суда чести см. у Новоселова, стр. 10.

вивать въ учащихъ мысль, другой настаиваетъ на необходимости ознакомленія съ современными теченіями общественной и политической жизни, третій говорить о великомъ значеніи въ жизни нашего подростающаго поколѣнія воспитывающаго обученія? А если такъ, если въ учительской средѣ нѣтъ общихъ и непререкаемыхъ правилъ поведенія и нѣтъ точныхъ указаній на характеръ дѣятельности „честнаго“ учителя, то, слѣдовательно, въ такомъ обществѣ и „честь“ является самымъ условнымъ и самымъ шаткимъ понятіемъ, которое будетъ получать ту или иную окраску въ зависимости отъ судящей группы лицъ. Сойдутъ съ историческаго поля зрѣнія эти лица, видоизмѣнятся ихъ понятія — можетъ измѣниться до неузнаваемости и понятіе учительскаго „суда чести“. И кто знаетъ, быть можетъ „честными“ насадителями знанія и ихъ судьями будутъ, современемъ, такіе дѣятели, которые съ пренебреженіемъ отнесутся къ дорогимъ народу завѣтамъ родной старины... Такъ незамѣтно можетъ, въ концѣ концовъ, совершиться самоограниченіе членовъ Церкви, призванныхъ „въ свободу“ чады Божіихъ, но самовольно преклонившихся, потомъ, предъ требованіями чести, сущность которой опредѣляется человѣческимъ смышленіемъ... Такъ постепенно армія учителей, въ которой хочется видѣть передовую армію спасенія народа отъ растлѣвающихъ вѣяній, можетъ выдти изъ-подъ знамени креста Христова и основанной имъ Церкви... И несомнѣнно, въ видахъ огражденія благодатствованной во Христѣ личности отъ губительныхъ вѣяній духа времени, Церковь Христова, давъ понятіе о чести, вмѣстѣ съ тѣмъ показала, и въ чемъ ея основаніе. Призна-

вая, съ одной стороны, что *честь*, какъ „*доброе свидѣтельство отъ вѣнннхъ*“, исключакщее возможность нареканія (1 Посл. Тим. 3, 7), является залогомъ успѣха въ общественной дѣятельности, при которой естественно искать уваженія и признанія въ другихъ (посл. къ Римл. 13, 7), слово Божіе существенное основаніе чести видить во внутреннемъ, моральномъ достоинствѣ чловѣка, которое проявляется „въ чистотѣ, въ благоразуміи, въ великодушіи, въ благодсти, въ Духѣ Святомъ. въ неліцемѣрной любви, въ словѣ истины, въ силѣ Божіей, съ оружіемъ правды въ правой и лѣвой рукѣ“ (2 Кор. 6, 6—7)³⁾. Вотъ единственный масштабъ, которымъ должна измѣряться честь и отдѣльных членовъ и цѣлыхъ обществъ. Указывая такія непоколебимыя, чисто нравственныя, основанія чести и осуждая „ложную зависимость отъ чести, проявляемую въ томъ, что существующій въ представленіи другихъ обликъ нашей личности намъ гораздо важнѣе, нежели сущность и дѣйствительность“⁴⁾, Христіанская Церковь устанавливаетъ и свой особый судъ чести надъ принимающими нравственное достоинство своей личности и такимъ образомъ выдѣляетъ какъ-бы въ свое исключительное вѣдѣніе людей, ревнующихъ о чести, какъ о внутреннемъ достоинствѣ чловѣка. Вотъ почему судъ Церкви носить характеръ духовнаго „увѣта“—усовѣщиванія, а не характеръ карательнаго судилища. Вотъ почему въ судѣ Церкви дѣло начинается дружескимъ увѣщаніемъ одного, затѣмъ

³⁾ Болѣе подробное понятіе о чести въ связи съ вопросомъ о дуэли см. въ нашей статьѣ, въ журн. *Вѣра и Церковь*, „Должно-ли и можно-ли оправдывать дуэль?“ 1899 г. № 6.

⁴⁾ *Мартенсенъ*, Христ. уч. о нравственности 1890 г. т. 2-й стр. 364, 365.

двухъ или трехъ лицъ и потомъ всего общества т. е. Церкви, которая руководится желаніемъ *отнюдь не принизить*, какъ въ проэктируемыхъ учительскихъ „судахъ чести“, а *поднять, возвысить изъ ничтожества преступившаго собрата* и такъ сказать усилить и продолжить судъ его совѣсти. Такъ нравственный законъ, какъ основа истиннаго церковнаго „суда чести“, дасть и иные результаты, чѣмъ челоуѣческія опредѣленія учительскихъ „судовъ чести“—опредѣленія сбивчивыя и неустойчивыя... Вотъ истинный судъ того царства совѣсти, гражданиномъ котораго и долженъ быть учитель.

И если кто, то именно народный учитель, какъ и пастырь, долженъ болѣе и болѣе усовершенствовать свою нравственную личность и заботиться о томъ, чтобы не только „казаться“ честнымъ и отбрасывать „ложную тѣнь“ въ представленіи другихъ, не соответствующую дѣйствительности, но и „быть“ таковымъ⁵⁾. „Для того, чтобы быть, совершенно справедливо замѣчаетъ по этому поводу М. Новоселовъ⁶⁾, на высотѣ своего историческаго призванія—созидателей сознательнаго царства совѣсти и чтобы не обмануть ожиданій народа, именно такъ-же понимающаго идеаль школы, современные учителя должны обратить самое глубокое вниманіе на утвержденіе въ своей средѣ ясно признаваемыхъ идеаловъ высшей нравственной правды. При достаточномъ успѣхѣ въ этой работѣ, у нихъ самъ собою явится общественный судъ, безъ сомнѣнія по типу, указанному въ откровеніи Высшей Правды. Созданіе же „судовъ чести“, особенно при разнородности взглядовъ, царствующихъ въ

⁵⁾ Ibid. Стр. 364—365.

⁶⁾ М. Новоселовъ, Суды чести въ средѣ учителей, стр. 11.

учительской средѣ, угрожало-бы теперь ей лишь приниженіемъ и могло-бы стать неодолимой преградой къ выработкѣ нравственнаго идеала, стоящаго выше всякихъ внѣшнихъ прикладныхъ законовъ и принужденій“. Въ тѣхъ общественныхъ слояхъ, развиваеъ М. Новоселовъ ту же мысль нѣсколько выше⁷⁾, которые заняты дѣлами торговыми, полицейскими, муниципальными и т. д. „суды чести“ могутъ имѣть свое полезное значеніе, поддерживая хоть тотъ минимальный уровень общественной дисциплины, который съ грѣхомъ пополамъ замѣняетъ нравственность. Но есть два званія, которыя никакъ не позволительно низводить на уровень дисциплины взаимъ нравственности: это священникъ и учитель. Учитель—и особенно учитель народной школы—не есть только обучатель грамоты или ариѳметикѣ, но и воспитатель душъ. Такіе люди должны руководствоваться закономъ нравственнымъ, поставленнымъ выше всего условнаго, ибо они обязаны внушить своимъ питомцамъ тотъ же высокій духъ нравственности, заложить въ нихъ сѣмена нравственной личности, совѣсти. Въ своей дальнѣйшей жизни эти питомцы подвергнутся всякимъ деморализующимъ ломкамъ, привыкнуть къ компромиссамъ, приучатся слушаться требований общества больше, чѣмъ своей совѣсти, будутъ, можетъ быть, и убивать по требованію такихъ условныхъ общественныхъ фетишей, какъ честь, товарищество, интересы партіи и т. д. Единственной охраной чистой нравственности, вытекающей изъ совѣсти, изъ божественной природы личности, у всѣхъ питомцевъ школы останется лишь то, что въ нихъ зало-

⁷⁾ Стр. 7, 8.

жено священникомъ и учителемъ, и уже никто, въ большинствѣ случаевъ, не будетъ поддерживать ихъ на этой высотѣ нравственной личности.

Но что же вышло бы, если бы учитель самъ принизился до нравственности условной, до замѣны идеала нравственной личности какимъ бы то ни было служебнымъ прикладнымъ идеаломъ? Это было бы уничтоженіемъ смысла существованія учителя-воспитателя. А это именно и угрожаютъ сдѣлать такъ называемые „суды чести“.

Пусть же поэтому внѣшняя честь, являющаяся отзвукомъ, своего рода эхомъ нравственныхъ совершенствъ, созидается и присуждается не судами чести, а болѣе глубокимъ и широкимъ самопознаніемъ, при которомъ каждый долженъ ручаться самъ за себя, а не искать внѣ того, чего, подчасъ, не находятъ въ себѣ. Конечно, не предосудительно то, что „люди между собою принимаютъ и отдаютъ честь: мы должны отдавать честь, кому честь надлежитъ (Римл. 13, 7) и точно такъ же мы должны принимать честь, какая воистину причастствуетъ намъ. Но отдавать и принимать честь по ложной мѣркѣ (что всегда бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда не ищутъ чести предъ Богомъ, когда отношеніе къ Богу не считаютъ нормирующимъ), — это предосудительно“³⁾ и предосудительно потому, что ложное понятіе о чести не только возникаетъ на почвѣ тщеславія и честолюбія, но и порождаетъ ихъ, когда за-

ставляетъ людей жить по извѣстнымъ правиламъ приличія, чтобы не навлекать на себя кары „суда чести“. Вотъ почему святой отецъ Григорій Нисскій въ своихъ правилахъ⁴⁾ и называетъ ложную честь, воздаваемую людьми, *мечтательною*, какъ не имѣющую ничего дѣйствительнаго, твердаго и устойчиваго...

И не удивительно, поэтому, если „суды чести“ создадутъ такую атмосферу, при которой настоящимъ дѣятелямъ будетъ тяжело дышаться подъ угрозою этихъ судовъ.

Пусть же только тотъ, чья честь —

Чья честь не безъ укора,

Страшится мнѣнія людей;

Пусть ищетъ шаткой онъ опоры

Въ рукоплесканіи друзей!

Но кто въ самомъ себѣ увѣренъ,

Того хулы не потрясутъ;

Его глаголь нелицемѣренъ,

Ему чужой не нуженъ судъ.

Да, не нуженъ этотъ *чуждый* христіанской совѣсти судъ истинному труженику православно-русской школы. Онъ долженъ идти за другимъ свѣточемъ — за свѣточемъ, даннымъ въ непреложныхъ истинахъ Православной Церкви...

Когда-жъ толпа несправедливо

Свой постановитъ приговоръ

Одинъ, не слѣдуя за нею,

Предъ тѣмъ, что чисто и свѣтло,

Дерзаетъ онъ, благоговѣя,

Склонить свободное чело.

Димитрій Введенскій.

³⁾ Мартенсенъ, стр. 365.

⁴⁾ Пр. 1.

Изъ учительскихъ дневниковъ.

Изъ моей школьной дѣятельности.

(Наброски).

(Окончаніе).

3. Нѣчто о наградахъ и наказаніяхъ.

Мой предшественникъ не балывалъ ребятишекъ. Ребятишки привыкли при немъ къ сильнымъ наказаніямъ. Поэтому на первыхъ порахъ я очутился въ затруднительномъ положеніи. Ребятишки дѣлали, что хотѣли. Завѣдующій думалъ было, не уволить-ли нѣкоторыхъ на основаніи пословицы: „худую траву изъ поля вонъ“. Я же держался другого убѣжденія, что больные требуютъ врача, а не здоровые. На первыхъ порахъ мнѣ туго пришлось отъ моихъ „болящихъ“. Больше всѣхъ доставилъ мнѣ непріятностей Тихонъ Курильченко. Это былъ дюжей 11-лѣтній мальчишка, просидѣвшій въ школѣ пять лѣтъ и не усвоившій сознательно простой грамоты, не выучившій и одной исторіи изъ Закона Божія и не научившійся писать безъ искаженія самыхъ простыхъ словъ. Чего только не дѣлалъ со мною этотъ удивительный мальчишка! Не успѣю я прійти въ школу, какъ со всѣхъ сторонъ летятъ ко мнѣ дѣти и съ ужасомъ сообщаютъ:

— Курильченко написалъ на двѣряхъ...

— Что написалъ?

— Срамныя слова.

— Ну такъ пойдите и сотрите ихъ, не читая.

Курильченко стоитъ, насупившись, и смотритъ на меня волкомъ.

На другой день снова извѣщаютъ:

— Курильченко опять написалъ.

— Ну чтожь, опять сотрите и скажите ему, что скорѣе онъ уморится писать глупости, чѣмъ мы ихъ стирать.

На другой день вижу мои ребята чѣмъ-то поражены, но ничего не говорить.

— Опять Курильченко что-нибудь настроилъ? спрашиваю я.

Молчать.

— Дежурный, что случилось?

— Курильченко написалъ на васъ... Онъ называетъ васъ...

— Остановись! Не передавай глупостей! Скажи Курильченку, что отъ его ругательствъ я не слиняю, а онъ дуракъ, если задѣваетъ даже своего учителя.

Послѣ уроковъ подходитъ ко мнѣ Курильченко и спрашиваетъ: мнѣ оставаться безъ обѣда?

— Нѣтъ. Я оставляю людей только съ совѣстью.

Систематическая настойчивость Курильченка въ шалостяхъ меня поразила. Что это значитъ? Чего домогается онъ своими грубостями? И что же оказалось? Курильченко былъ страстнымъ любителемъ чистописанія и „желалъ“ быть оставленнымъ безъ обѣда, чтобы на досугѣ написаться „вслась“.

Я взялъ съ Курильченка слово на урокахъ сидѣть тихо и онъ всю зиму просидѣлъ, не шелохнувшись, пристально устремивъ куда-либо свои глаза. О чемъ думала эта безпокойная головушка? Меня онъ не слушалъ. Ни

на одинъ вопросъ мой не отвѣтилъ. Въ школу ходилъ каждый день. На урокахъ дремалъ, но лишь только наступала перемяна, какъ Курильченко просыпался:

— Василь Александровичъ, гимнастику давайте дѣлать. Будетъ гимнастика?

— Да вѣдь, кажется, дождь идетъ.

— Да нѣтъ же.—Дождя нѣтъ.

Из-за гимнастики Курильченко и ходилъ въ школу.

Военной гимнастикой у насъ занимались на большой перемянѣ. На гимнастикѣ и во всѣхъ вообще играхъ у насъ требовалось безусловное соблюденіе правилъ. Виновный немедленно удалялся отъ играющихъ товарищей. Я думаю, что усвоенной дѣтми въ гимнастическихъ играхъ дисциплинѣ я обязанъ тому, что послушаніе въ моей школѣ было образцовое. Моя знакомая акушерка спросила въ больницѣ у крестьянина про меня: Ну какъ вашъ учитель?

— Да какъ? На перемянѣ вмѣстѣ съ ними балуется, какъ будто мальчишка, а придетъ въ школу, скажетъ слово—и не шелохнутъ.

Впрочемъ, послѣднее правда только относительно урока Закона Божія. На другихъ урокахъ царствовала неприужденность. Я считалъ противоестественнымъ на дѣтскую рѣзвость налагать тюремныя цѣпи. Когда я замѣчалъ на лицахъ дѣтей утомленіе, я позволялъ имъ рассказывать о различныхъ событіяхъ изъ домашней ихъ жизни. Я дѣлалъ имъ должную оцѣнку съ евангельской точки зрѣнія и такимъ образомъ мы не замѣтно проходили курсъ „Домостроя“ въ духѣ двадцатаго вѣка. Я думалъ, что для оживленія дѣтей на урокахъ это лучше, чѣмъ по нѣмецкой системѣ командовать вдругъ зычнымъ голосомъ:

„встать!“ и сдѣлать нѣсколько гимнастическихъ пріемовъ. Въ послѣднемъ больше искусственности.

Относительно наказаній я думаю, что безъ нихъ обойтись невозможно. Мы всѣ во грѣхахъ рождаемся и во грѣхахъ сходимъ въ могилу. Своимъ школьникамъ я кратко объяснялъ: „Богъ посылаетъ грѣшниковъ въ адъ, царь въ Сибирь, а я оставляю васъ безъ обѣда“. При каждомъ назначеніи наказанія я спрашивалъ виновнаго, доволенъ ли онъ моимъ судомъ, чтобы въ душѣ ребенка не сложилось какъ-нибудь убѣжденіе, что я поступаю несправедливо. Всѣ мои наказанія состоятъ въ томъ, что я либо лишаю виновныхъ участія въ общихъ играхъ, либо оставляю на полчаса или на часъ послѣ уроковъ. Чтобы видно было, что наказаніе состоитъ не въ физическомъ мученіи отъ голода, товарищи оставляли наказаннымъ свои остатки отъ завтраковъ. Поэтому въ съѣстныхъ припасахъ не чувствовалось недостатка. Мальчики понимали суть наказанія. Случилось, что я въ первый разъ оставилъ на полчаса Василя Клешнева. Онъ поблѣднѣлъ, задрожалъ и слезы градомъ покатались изъ его глазъ.

— Простите пожалуйста, я не буду.

— Не плачь, толкаетъ Клешнева его „другъ“: и я съ тобою посижу.

— Ну вотъ и посидите тутъ вмѣстѣ. Вѣдь сидѣлъ же ты съ Иваномъ прошлый разъ.

— А-а-а... то я сидѣлъ самъ по себѣ, а теперь вы меня оставляете.

— Ну хорошо! За то, что ты не покинулъ въ бѣдѣ своего друга и раздѣлилъ съ нимъ несчастье, прощаю тебя.

Друзья подхватили котомки и улепетнули изъ школы, предоставивъ на досугъ философствовать мнѣ.

Когда школа моя наладилась, я началъ нѣкоторыхъ мальчиковъ оставлять послѣ урока „на совѣсть“. Это наказаніе состояло въ томъ, что виновному предоставлялось право по проществу опредѣленнаго времени уйти изъ школы „самому“. За всё время былъ только одинъ случай обмана. Единственный сынъ богатаго мужика Федоръ Дементьевъ ушелъ изъ школы раньше времени. За это я увеличилъ ему наказаніе до двухъ дней. Онъ снова ушелъ. Я прибавилъ еще день. Тогда Дементьевъ чрезъ друга своего Коврова заявилъ мнѣ, что, если я не прощу его, онъ броситъ школу. Я ничего не сказалъ. На другой день я принесъ въ школу житіе Св. Сергія Радонежскаго. Въ этой книгѣ на снимкѣ съ старинной гравюры было изображено, какъ учитель, зажавъ голову отрока Сергія между ногами, наказывалъ его трехвосткой. Не смотря на виновнаго, я показавъ эту картинку дѣтямъ.

— Видите, какъ въ старину наказывали школьничковъ?

— Видимъ.

— Чтоже, св. Сергій бросилъ школу?

— Нѣтъ.

— А что же сдѣлалъ?

— Онъ подъ дубомъ обратился съ молитвою къ Богу и Богъ открылъ ему разумъ.

— Да. И послѣ онъ былъ такимъ разумнымъ, что у него спрашивали совѣта сами князья. А что было бы, если бы Преподобный Сергій послѣ перваго же такого жестокаго наказанія бросилъ школу?—А среди васъ есть такіе школьники, которые хотятъ, чтобы за всякую мерзость ихъ по головкѣ гладили. Кому нужны такіе школьники? Мнѣ по крайней мѣрѣ нужны такіе, чтобы у учителя учились, а не учителя учили...

Черезъ часъ Дементьевъ и черезъ друга объявилъ, что онъ согласенъ отсиживать „три дня“, но проситъ разрѣшить отсиживать ихъ черезъ день.

Проступковъ въ моей школѣ почти не было, если не считать обыкновенныхъ мальчишескихъ выходокъ. Про одну изъ нихъ я хочу рассказать.

Всѣ мои школьники были размѣщены по тремъ комнатамъ. Въ то время, когда я находился въ средней группѣ, ученики старшей начали издавать странные и ужасные звуки. Слышно было, что одинъ поетъ псаломъ, другой кричитъ пѣтухомъ, третій хрюкаетъ свиньей, четвертый мычитъ коровой. Короче: казалось, что въ комнатѣ старшей группы собрались представители всего животнаго царства. Я, молча, слушалъ. Наконецъ всё стихло и ничто не мѣшало мнѣ докончить занятія. На перемины я подошелъ къ старшей группѣ и спросилъ:

— Вы, кажется, любите пѣніе?

— Да, любимъ, очень любимъ.

— Самъ вижу, что любите. А кто тутъ у васъ пѣлъ?

— Мы всѣ пѣли.

— Нѣтъ я не пѣлъ, отозвался Рожновъ.

— Ну такъ пусть младшая и средняя группы и Рожновъ идутъ домой, а мы съ вами займемся пѣніемъ.

— Надолго?

— До вечера.

— О-о-о! спохватились пѣвцы. Мы не любимъ пѣнія.

— Полно врать. То говорили—любите, а теперь нѣтъ. Начинайте-ка! Кто тутъ у васъ хрюкалъ свиньей? Дарья? Ты что ли свинья? Хрюкай! Пѣтухъ, кричи! Корова, мычи! Кто тутъ корова?

Вся школа собралась присутствовать на интересномъ концертѣ. Пѣвцы сидѣли красные, какъ раки.

— Намъ стыдно! пропищала „свинья“.

— Стыдно? А на урокъ славянскаго языка хрюкать не стыдно?.....

Дѣти поняли, „что стыдно“ и миръ былъ возстановленъ.

4. Борьба съ воровствомъ.

Указанная выше организація школы помогла мнѣ уничтожить воровство. При моихъ предшественникахъ были разворованы матеріалы для переплета, ученическая библіотека и библіотека для внѣкласснаго чтенія. Мнѣ въ наслѣдство осталось нѣсколько жалкихъ учебниковъ. Нѣкоторое время учились двое по одной книгѣ. Школьники на своей шкурѣ испытали всю невыгоду воровства. Наконецъ я досталъ необходимое количество книгъ и всѣ школьные принадлежности. Съ дверей комнаты, гдѣ находились учебники, былъ снятъ замокъ. На другой день у насъ пропалъ квадратъ. На одинъ столярный квадратъ не стало доставать и изъ-за нихъ поднялись споры. Я снова указалъ на вредъ воровства и рѣшительно заявилъ, что на мѣсто украденныхъ вещей я ничего не буду покупать, а буду заставлятъ покупать школьниковъ.

— А вы зачѣмъ не запираете комнаты? Тихонъ Семеновичъ всегда заперъ.

— Мнѣ нѣтъ дѣла до Тихона Семеновича, а я думаю, что вы не сибирскіе воришки, чтобы отъ васъ замки вѣшать. Тѣ называются школьниками, которые безъ замковъ ничего не тронутъ, а при хорошихъ замкахъ и воръ не украдетъ. Какъ хотите, я запираю не буду. Добро ваше, сами и смотрите за нимъ. Выбирайте дежурныхъ, пусть

они отъ вашего имени и завѣдуютъ всѣмъ.

И... въ мою комнату ходили всѣ, а не пропало и клочка старой бумажки. Въ концѣ года я раздавалъ „въ награду“ старыя перья, остатки карандашей и грифелей. Число книгъ даже увеличилось. Нѣкоторые мальчики притащили книги, какихъ у насъ не было и подали мнѣ.

— Это откуда?

— Это мы взяли у Тихона Семеновича.

Я понялъ и молча взялъ книги.

5. Обращеніе къ товарищамъ.

Въ дѣтствѣ я дѣлилъ съ крестьянскими ребятишками и забавы и труды. Вместе съ ними я бродилъ по полямъ и лугамъ, вместе съ ними убиралъ хлѣбъ и пасъ свиней. Еще тогда я замѣтилъ, что русскіе крестьянскіе дѣти отличаются очень богатыми природными способностями, и тогда же подъ темносинимъ украинскимъ небомъ далъ обѣтъ построить хотя одну школу, которая освѣтила бы богатства, лежащая втунѣ въ русской народной душѣ. Сейчасъ же по окончаніи Духовной Семинаріи съ пятью рублями въ карманѣ, но съ твердою надеждою на помощь Божію, я предпринялъ постройку школы и въ теченіи пяти лѣтъ довель дѣло до конца. Теперь въ нашей школѣ до 80 учениковъ, двое преданныхъ дѣлу учителей, ведутся чтенія съ волшебнымъ фонаремъ, преподаются рукодѣліе, заводятся дополнительныя вечернія занятія съ окончившими курсъ, трое изъ нашихъ прекрасно учатся на учителей школъ грамоты, попечительница близко принимаетъ къ сердцу всѣ нужды школы и еѣ можно считать прочно поставленной. Я посѣялъ горушичное зерно, но

съ Божією помощью оно разрастается въ великое древо. Изъ капель составляютъ моря и изъ мелкихъ песчинокъ великія горы. Соединимся же въ крѣпкій и неразрывный союзъ, какъ наши предки соединились на поляхъ Куликовскихъ, для освобожденія Россіи отъ позорнѣйшаго рабства умственной тѣмѣ и невѣжеству, которое

въ сто кратъ постыднѣе татарскаго ига.

„Дадимъ же, братья, другъ другу руки

И вмѣстѣ двинемся впередъ —

И пусть подъ знаменемъ науки

Союзъ нашъ крѣпнетъ и растетъ...”

Т. А. Гр.

ВЪ ДОБРЫЙ ЧАСЪ!

(Опытъ устройства сельскаго приюта для крестьянскихъ сиротъ въ связи съ обученіемъ грамотѣ, рукодѣлію и ремесламъ).

Призрѣніе бѣдныхъ—это одинъ изъ самыхъ старыхъ и трудныхъ для разрѣшенія вопросовъ въ нашей общественной жизни. Всѣми признается, что раздача милостыни, какъ средство къ поддержанію существованія бѣдныхъ, не достигаетъ цѣли, такъ какъ на ряду съ дѣйствительной нуждой благотворительность часто служитъ предметомъ поживы для профессиональных нищихъ: не говоря уже о городахъ, даже жителямъ деревни хорошо извѣстно, что многіе нищие не употребляютъ на пропитаніе собранный хлѣбъ, а тотчасъ послѣ обхода домовъ въ большихъ селеніяхъ продаютъ его по 40—60 коп. за пудъ, собирая въ сутки около пуда на человѣка, т. е. зарабатывая не менѣе, а иногда болѣе, чѣмъ обыкновенный чернорабочій или даже ремесленникъ. Въ отношеніи деморализаціи нравовъ это зло не было бы столь ощутительно для общества, если бы въ сборѣ милостыни принимали участіе одни лишь взрослые, но, въ большинствѣ случаевъ, отцы или матери, вынужденные почему либо питаться милостыней, сами по міру не ходятъ, а посылаютъ малолѣтнихъ дѣтей, которыхъ наря-

жаютъ въ лохмотья, чтобы вызывать больше сочувствія. Печальная участь такихъ дѣтей и сиротъ давнымъ давно воспѣта въ Иліадѣ (XXII, 490—499):

„Со днемъ сиротства—сирота и товарищей дѣтства теряетъ;

„Бродитъ онъ, съ головою поникшей, съ заплаканнымъ взоромъ...”

„Въ нуждѣ приходитъ ли онъ къ отцовымъ друзьямъ и просящій

„То одного, то другого смиренно касается ризы;

„И сжался, иной сиротливому чашу едва наклоняетъ—

„Но только уста омочаетъ, а нѣба въ устахъ не омочитъ.

„Чаще же—его отъ трапезы счастливый хозяинъ прогонитъ,

„И толкая рукой и о бидной преслѣдуя рѣчью:

— „Прочь ты исчезни! Не твой здѣсь отецъ пируетъ съ друзьями!

„Плачущій, къ матери, къ бѣдной вдовицѣ, дитя возвратится...”

Но не столько грозитъ сиротѣ голодъ и холодъ, сколько ранній порокъ. Брошенный на произволъ судьбы, безпріютный сирота лишается правильнаго воспитанія и ухода—не оберегаетъ его нѣжная родительская рука отъ вліянія дурныхъ примѣровъ, не слышитъ онъ ласковаго слова матери, ни разумныхъ совѣтовъ отца... И ка-

кіе граждане выростуть изъ такихъ несчастныхъ дѣтей, если они пройдутъ прекрасную школу всякихъ преступлений и пороковъ?! По этому, въ интересахъ общества, основывать и поддерживать такія учрежденія, цѣль которыхъ заключается въ призрѣніи, воспитаніи и образованіи безпріютныхъ и неимущихъ дѣтей и сиротъ. И законъ справедливо требуетъ отъ волостныхъ и сельскихъ обществъ, а также церковно-приходскихъ попечительствъ—участія въ этомъ важномъ общественномъ дѣлѣ.—Къ числу такихъ учреждений относится между прочимъ и одинъ пріютъ для крестьянскихъ сиротъ въ Юго-Кнауфскомъ заводѣ, Осинскаго уѣзда, Пермск. губ., существующій съ 1-го Сентября 1900 года. Открытіе этого пріюта состоялось 6-го Декабря 1900 года. Въ „Перм. Губ. Вѣд.“ (№ 268-мъ—1900 г.) такъ описывалось торжество открытія его: „день тезоименитства Государя Императора былъ ознаменованъ чрезвычайно симпатичнымъ дѣломъ — открытіемъ сельскаго сиротскаго пріюта. Рѣдко выпадаётъ на долю крестьянскаго селенія такое счастье; самое же торжество открытія едва ли когда-нибудь изгладится изъ памяти населенія и всѣхъ участниковъ торжества. Послѣ Божественной литургіи и Царскаго молебна изъ двухъ здѣшнихъ церквей двинулся крестный ходъ въ зданіе пріюта... Всѣ это оглашалось торжественными звуками церковныхъ пѣнопѣній. Яркое солнце зимняго дня, ласково и привѣтливо смотрѣвшее съ неба, дополняло и заканчивало чудную картину. Зданіе пріюта, украшенное флагами, привѣтливо встрѣтило богомольцевъ... Началось молебеніе, совершенное причтами православной и единовѣрческой церкви при пѣніи пріютскихъ дѣтей. Послѣ

молебенія попечителемъ пріюта Земскимъ Начальникомъ г. Грузовымъ, по инициативѣ котораго основанъ пріютъ, была произнесена рѣчь, въ которой выяснена необходимость призрѣнія малолѣтнихъ сиротъ вообще, и значеніе и польза открываемаго пріюта въ частности. По окончаніи рѣчи, открылось умиленное зрѣлище — зрѣлище сочувствія христіанскому дѣлу призрѣнія безпомощнаго. Широкой волной потекли пожертвованія въ пользу пріюта и деньгами и вещами и продуктами. Купецъ А. Н. Курочкинъ пожертвовалъ 100 рублей; хозяинъ дома, гдѣ помѣщался пріютъ, г. Балашовъ заявилъ, что отказывается отъ вознагражденія за домъ въ теченіи года; священникъ о. Корелинъ пожертвовалъ штуку ситцу; каждый волостной старшина и сельскій староста представляли оцѣные возы продуктовъ: муки, ржи, крупы, гороху, овса, картофеля, шерсти, овчины и проч. Одного хлѣба привезено было 10 возовъ. Пожертвованія притекали и сдавались такъ быстро, что не успѣвали записывать ихъ; просили только принимать на доброе дѣло; многіе жертвователи даже не объявляли своихъ именъ. Въ заключеніе всѣмъ приглашеннымъ былъ предложенъ завтракъ и чай. Попечитель горячо благодарилъ всѣхъ жертвователей за ихъ пожертвованія на благое дѣло призрѣнія сиротъ; дѣти прислуживали за столомъ, говорили стихи и т. п. Оказалось, что за 2—3 мѣсяца ихъ пребыванія они научились читать, вязать; дѣвочки—шить; вообще все въ пріютѣ поражало порядкомъ, цѣлесообразностью. Очевидно много пришлось поработать надъ дѣтьми ихъ смотрительницѣ г. Обориной и законоучителю діакону Духонину“.

Со времени открытія пріюта прошло

почти четыре года и дѣятельность его значительно расширилась: нашлись добрые люди, которые оказали ему солидную поддержку, какъ, на примѣръ, — Пермскій купецъ П. С. Жирновъ; число призрѣваемыхъ возросло съ 17 до 23 человекъ; пріютъ переведенъ въ новое двухэтажное громадное зданіе, выстроенное на заемныя средства — на большой и удобной усадьбѣ, съ садомъ, огородомъ и всѣми необходимыми надворными постройками, въ центрѣ селенія, стоимостью въ 2800 рублей; въ такомъ зданіи свободной могутъ помѣщаться отъ 50—60 человекъ сиротъ, если позволять средства содержать ихъ.

Изъ отчета за 1903-й годъ видно, что изъ общаго числа призрѣваемыхъ 23-хъ дѣтей, въ пріютѣ было 11 мальчиковъ и 12 дѣвочекъ въ возрастѣ отъ 5 до 12 лѣтъ; по достиженіи 7-ми лѣтняго возраста дѣти обучаются грамотѣ въ школѣ, существующей въ пріютѣ, подъ руководствомъ смотрительницы. Въ отчетномъ году 9 человекъ окончили курсъ и получили установленныя свидѣтельства отъ Осинскаго Училищнаго Совѣта. Изъ числа этихъ 9-ти человекъ въ концѣ отчетнаго года трое поступили въ 2-хъ классное училище для дальнѣйшаго научнаго усовершенствованія; одинъ мальчикъ опредѣленъ къ портному для изученія портняжнаго дѣла; одинъ поступилъ въ работники къ благонадежному крестьянину — земледѣльцу; одна дѣвочка поступила въ интеллигентное семейство въ качествѣ няни и т. п. Всѣ эти дѣти продолжаютъ находиться подъ надзоромъ пріютскаго начальства.

Лѣтомъ, почти половина дѣтей раздается въ благонадежныя крестьянскія семьи съ цѣлю пріучить ихъ къ труду и хозяйству. За болѣе взро-

слыхъ взимается плата, а остальные работаютъ за столъ и одежду. Оставшіеся въ пріютѣ на лѣто дѣти помогаютъ смотрительницѣ въ занятіяхъ огородничествомъ, цвѣтоводствомъ, пчеловодствомъ и домашнимъ хозяйствомъ; пріютъ имѣетъ коровъ, овецъ и т. п. Дѣти вообще, ведутъ жизнь трудовую; чай совершенно изгнанъ изъ ихъ обихода по желанію самихъ дѣтей, а именно — мальчика, который провелъ лѣто у крестьянъ, — гдѣ вовсе не пьютъ чая и подальше мысль отказать отъ употребленія чая.

Надзоръ за порядкомъ и чистотой возлагается ежедневно на двухъ дежурныхъ; посты строго соблюдаются и церковныя богослуженія посѣщаются обязательно каждый праздникъ. — Будучи приняты въ пріютъ, въ большинствѣ случаевъ, безъ понятія о Богѣ, незнающими даже своихъ именъ, дикими, упрямыми звѣрками, они становятся здоровыми, умственно развитыми, послушными, ласковыми, такъ что и къ наказаніямъ прибѣгать почти не приходится. И крестьяне, бравшіе дѣтей для лѣтнихъ работъ и ухода за дѣтьми, единогласно ихъ одобряютъ. Ближайшій надзоръ за дѣятельностію пріюта возложенъ на слѣдующихъ лицъ: 1) Попечителя, Земскаго Начальника С. Г. Грузова, 2) Директора — Священника Н. Замятина, 3) Законоучителя — Діакона П. П. Духонина и 4) Смотрительницу М. С. Оберину. Въ пріютѣ имѣется старушка-кухарка и иногда приглашается ей помощница для мытья половъ и бѣлья. Въ общемъ нужно замѣтить, что сочувствіе мѣстныхъ крестьянъ къ этому пріюту растетъ и растетъ. И не только обильныя пожертвованія натурою и деньгами говорятъ о немъ, но также и постепенно увеличивающееся число посѣтителей, особенно въ день годов-

щины основанія пріюта—6-го Декабря. Въ отчетномъ году въ этотъ день было устроено, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, литературное утро по программѣ изъ 33 нумеровъ ¹⁾. Въ заключеніе показывался граммофонъ.

И отраднo видѣть, какъ нѣкоторые изъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ выказывали свое сочувствіе призрѣваемымъ—ласкали ихъ и проливали непритворныя слезы при пѣніи и чтеніи стихотвореній или выражали восторгъ, когда слышали на-

¹⁾ „Слава на небѣ“—хоръ; гимнъ „Боже Царя храни“; „Явленіе Христа народу“—стих.; „У могилы матери“—стих. Сурикова; „Добрая ночь“—пѣснь; „Молитва Божіей Матери“—стих. Жадовской; „Не говори, что нѣтъ спасенья“—стих. Майкова; „Смерть дѣвочки“—стих. Арсеньева; „Травка зеленѣетъ“—пѣснь; „Молись, дитя“—стих. Никитина; „Няня“—стих. Никитина; „Снѣгурочка“—украин. сказка Давилевскаго; „Какъ пошли наши подружки“—пѣснь; „Мать и дѣти“—стих. Майкова; „Трудъ и отдыхъ“—стих. Минаева; „Слава святому труду“—стих.; „Ты поди моя коровушка“—пѣснь; „Раздѣлъ“—басня Крылова; „Спѣсь“—стих. А. Толстого, и т. п.

ивную веселую сказку. Всѣ присутствовавшіе въ числѣ болѣе 200 человекъ получали (бесплатное) угощеніе отъ пріюта, но все это съ лихвой вознаграждалось пожертвованіями посѣтителей.

Будемъ надѣяться, что найдутся добрые люди, которые помогутъ пріюту приобрести въ собственность помещеніе и тѣмъ упрочатъ его существованіе въ мѣстности, населенной небогатымъ крестьянскимъ людемъ. „Блажени милостиви—яко ти помилованы будутъ!“ А эта милостыня, въ видѣ содѣйствія процвѣтанію пріюта бѣдныхъ дѣтокъ, особенно дорога, потому что, вырывая дѣтей изъ нищеты и убожества, благотворители даютъ вмѣстѣ съ тѣмъ имъ возможность выйти изъ нищеты и убожества не только тѣлеснаго, но и духовнаго. Здѣсь не только обласкаютъ и согрѣютъ ихъ, но, глядишь, и просвѣтятъ свѣтомъ вѣры, свѣтомъ книжной мудрости... Итакъ, въ добрый часъ!

С. Г.

ПОСѢВЫ И ВЪХОДЫ.

(Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).

XXXI.

Дѣвушка-учительница.—Смыслъ ея жизни.—Материнство въ школѣ, какъ достаточная замѣна материнства въ семьѣ.

Писатели современныхъ романовъ часто кончаютъ описаніе ихъ, при печальномъ исходѣ, тѣмъ, что заставляютъ героиню совершенно порвать всякія мечты и желанія собственнаго счастья и самоотверженно отдать всю себя—всѣ силы и жизнь на служеніе той или другой доброй идеѣ: несчастныя „жертвы любви“ избираютъ при этомъ или совер-

шенно отрѣшенную отъ всякихъ общеній съ міромъ и его удовольствіями уединенную монастырскую жизнь, а гдѣ въ теченіемъ времени многія достигаютъ высокой степени духовнаго совершенства и успокоенія,—или идутъ на широкое поле самоотверженнаго служенія ближнему въ качествѣ сестеръ милосердія, фельдшерницъ, акушерокъ, и, наконецъ, просто учитель-

ниця и просвѣтительниця народа, въ живомъ общеніи съ которымъ болѣе или менѣе скоро залечиваются самыя глубокія раны и такъ называемая „разбитая“ жизнь снова находитъ смыслъ, цѣль, отраду и удовлетвореніе.

Дѣвушка, не извѣдавшая счастья, дать жизнь и воспитаніе собственнымъ дѣтямъ, лучшую замѣну этого счастья найдетъ въ школѣ. Это—по преимуществу ея сфера, гдѣ ея женственныя способности и потребности, при добросердечіи и сознательномъ отношеніи къ дѣлу, найдутъ наиболѣе среднюю пищу и удовлетвореніе. Конечно, въ этомъ дѣлѣ она не найдетъ многого, чего могла бы и мечтала бы получить отъ собственного семейнаго счастья. Но, если бы она знала, какою тяжелою и дорогою цѣною окупается это „многое“, быть можетъ, пожелаетъ счастья—ей недостающее! Не даромъ мудрое народное изреченіе увѣковѣчило это въ столь мѣткой и характерной пословицѣ: „дѣвицы садятся (т. е. собираются замуж), а бабы каются“... Тоже самое прекрасно выражается во многихъ народныхъ пѣсняхъ, воспѣвающихъ чистую святую и свободную независимость дѣвчества—съ одной стороны, и всю тяжесть и тѣсноту жизни въ замужествѣ—съ другой. Конечно, для многихъ „жаждущихъ счастья“ все это слишкомъ малоубѣдительно. Лучше что-нибудь, чѣмъ ничего... Къ тому же, и естественная жажда материнства слишкомъ могуча въ женщинѣ для того, чтобы можно было усыпить эту жажду такими слишкомъ призрачными на видъ доводами...

Я всегда до боли сердца жалѣлъ тѣхъ многихъ, какъ мнѣ казалось, несчастныхъ, которыя въ силу какихъ-то капризныхъ, совершенно независящихъ отъ нихъ обстоятельствъ, вынуждались навѣчно оставаться съ одною „возможностію“ счастья и здороваго материнства. И только когда самъ рѣшилъ безповоротно отказаться для себя отъ той же возможности

семейнаго счастья и несу съ Божіею помощію тотъ же „крестъ“ безбрачнаго одиночества, нахожу, что это не столь *сверхъестественно*—тяжело и безъ исключеній невыносимо...

Конечно, за себя поручиться вполнѣ ни минуты нельзя. Во всякомъ случаѣ, *годы* и, притомъ, самыя тяжелыя и опасныя годы—терпѣнія и не нарушеннаго ни разу воздержанія даютъ полное право надѣяться на возможность и дальнѣйшаго безопаснаго продленія ихъ, при помощи Божіей.

Кромѣ внутренняго и, конечно, нелегкаго самовоспитанія, переустроенія и приспособленія всѣхъ своихъ потребностей и интересовъ къ условіямъ одинокой дѣвственной жизни, послѣднюю помогаетъ терпѣливо и главное—далеко *небезплодно* нести всецѣлое обращеніе своей жизни въ *жизнь для другихъ*. Нѣтъ нужды, что эти „другіе“ будутъ для насъ въ данномъ случаѣ не родные, не „наши“, не кровно близкіе намъ люди. Продолжительное обращеніе, дружески-ласковое и участливое, сначала можетъ быть не безъ напряженій и понужденій, а потомъ все болѣе и болѣе легкое и пріятное—въ силу привычки и взаимности—способно дѣлать для нашего сердца дорогимъ и милымъ даже и то, что гораздо менѣе достойно заполнять собою пустоту сердца, нежели человекъ. Извѣстно, что перешедшія замужней возрастъ женщины—дѣвицы часто и не основательно навлекаютъ на себя упреки за пристрастіе къ птицамъ, собакамъ, кошечкамъ, и т. под. Очевидно, мѣсто послѣднихъ съ гораздо большею пользою и естественностію могли бы занимать болѣе близкіе „друзья“ человека, въ лицѣ хотя бы и чужихъ дѣтокъ, по отношенію къ которымъ любовь и живое сердечное участіе заполнили бы и надолго-надолго живили бы женское сердце невышедшей замужъ дѣвицы самыми трогательными и благодарно-добрими примѣненіями и проявленіями

ниями женской любви и воспитательных способностей. Вѣдь любовь это сила, заявляющая себя въ каждомъ изъ насъ и помимо взаимности удовольствій размноженія. Очевидно, и смыслъ жизни вовсе не исчерпывается семейною жизнію, и неосновательно считаютъ „разбитою“ эту жизнь, которой судьба не приводитъ замкнуть себя въ тѣсныя рамки узкаго семейнаго счастья... Блестящіе успѣхи школьныхъ учительницъ, оказывающихся здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, на своемъ мѣстѣ и на высотѣ своего призванія, доказываютъ и внушаютъ намъ все вышеприведенное.

Конечно, не во всѣхъ отраднѣхъ примѣрахъ непременно надо предполагать, что служація такимъ примѣромъ учительницы представляютъ вполне установившійся типъ женщины, нашедшей для себя счастье и смыслъ жизни въ школьномъ трудѣ помимо счастья семейнаго: многие изъ такихъ примѣровъ несомнѣнно успѣваютъ еще создать себѣ и семейное счастье; однако, въ данномъ случаѣ это нисколько не мѣшаетъ признать полную возможность того, чтобы хорошо и прочно сложившееся „школьное“ положеніе учительницы оставалось для нея, хотя бы и на всегда (а не до выхода лишь замужъ), — источникомъ самыхъ жизненныхъ, возвышенныхъ и достаточно разрѣшающихъ смыслъ жизни — утѣшеній и радостей.

Хочется думать, что все это такъ и есть, имѣется на лицо во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда читаешь болѣе или менѣе пріятное сообщеніе о состояніи школы, находящейся въ рукахъ учительницы. Приведемъ хотя немного такихъ. Вотъ, на примѣръ, школа въ м. *Сребное*, Полтавской губ., Прилукскаго уѣзда. Помѣщается она въ сторожкѣ церковнаго погоста. Въ школѣ просторно, чистенько, уютно... Учительница (Евфросинія Громницкая), скромная труженица, преподаетъ всѣ предметы, въ томъ числѣ и Законъ Божій. Познанія

въ послѣднемъ, по заявленію наблюдателя, обстоятельны; весьма хорошіе успѣхи и по прочимъ предметамъ. Дѣти весьма прівѣтливы и милы. Видно, что *учительница трудится весьма усердно и матерински — любовно воспитываетъ своихъ школьныхъ дѣттокъ.*

Вотъ еще школа въ г. *Глинскѣ* (зашт., Романскаго у. той же губ.). Учительница г. *Рашкевичъ*. Дѣти очень хорошо переводятъ съ славянскаго языка на русскій. Читаютъ, пишутъ, считаютъ очень толково. Поютъ весьма стройно. Дѣтки прівѣтливы, милы. *Видно, что ихъ не только учатъ, но и воспитываютъ.* Въ школѣ заведены правильные порядки. Учительница усердна.

Школа въ с. *Андріашевкѣ* (Лохвицкаго у.). Учительница г. *Страшина*. Учащіеся показали добрые успѣхи. Школа снабжена всѣмъ необходимымъ. Содержится чистенько. Учительница усердна и аккуратна. Наблюдатель вынесъ отсюда „весьма отрадное впечатлѣніе“.

Любопытное сообщеніе въ томъ же родѣ даетъ отзывъ окружнаго наблюдателя объ одной изъ школъ Холмско-Варшавской епархіи (Радечницкой). Справедливость требуетъ сказать, что при умѣломъ руководствѣ завѣдующей школою *всѣ учительницы занимались съ особымъ усердіемъ, преданностью дѣлу, любовью и терпѣніемъ: „съ терпѣніемъ“* потому, что дѣйствительно не мало потребовалось отъ нихъ терпѣнія заниматься днемъ и вечеромъ съ дѣтьми, собранными изъ разныхъ мѣстъ, съ разной подготовкой, изъ разныхъ сословій, изъ разной домашней воспитательной обстановки, притомъ заниматься при многихъ неблагопріятныхъ условіяхъ... Нужно полюбить школу, вполне сознавать важность свободно принятыхъ по отношенію къ ней обязательствъ, чтобы въ такой сравнительно короткій промежутокъ времени и при такой неблагопріятной обстановкѣ оказать вполне хорошіе успѣхи“.

Еще поучительнѣе слѣдующій фактъ. Въ одной изъ школъ той же епархіи, учитель долго „нарекалъ, что и школа и дѣти не хотятъ слушаться учителя, и народъ неблагодарный, враждебно настроенный къ церковной школѣ, ополченный, фанатики, и самый страшный фанатикъ О—шъ мѣшаетъ дѣлу, подрывается подь школу, устраиваетъ свою польскую школу и проч. Но не та была главная причина неуспѣха школы. Вновь назначенная учительница осязательно это доказала. Не прошло и года, какъ та же школа завоевала себѣ видное положеніе въ деревнѣ, привлекла къ себѣ достаточно учащихся, аккуратно посѣщающихъ классныя занятія, снискала симпатіи мѣстнаго населенія и оказала громадное нравственное воспитательное значеніе для дѣтей, подростковъ и даже стариковъ и стала церковная, православная школа любимымъ дѣтищемъ упорствующаго населенія, ополченнаго и окатоличеннаго, оперлась на народную къ ней любовь и расположеніе. Даже О—шъ сталъ не страшенъ для нея и въ концѣ концовъ пришелъ въ Замостскую Николаевскую церковь, исповѣдался и причастился св. Тайнъ, и заявилъ окружному наблюдателю (настоятелю сей церкви), что онъ теперь прозрѣлъ. „Учительница и ея помощница не только умѣло и усердно занимались учебнымъ дѣломъ, но и обученіемъ рукодѣлью, и лѣченіемъ, и чтеніемъ назидательныхъ книгъ по вечерамъ, не только чтеніемъ, но и играми съ дѣтьми. По отчету окружного наблюдателя, воскресные и праздничные дни такъ проводила Вепрецкая школа. „Обыкновенно учительницы и съ ними дѣти православныхъ и колеблющихся, въ послѣднее время и упорствующихъ, посѣщали свою православную церковь (въ сл. Кособудахъ), за 7 версть отъ школы, а часа въ три, послѣ обѣда, соби-ралось въ школу много народа и всѣ учащіеся послушать чтенія св. Евангелія, и съ любовію слушали, при чемъ нѣкоторыя,

выдающіяся по своему назиданію, мѣста заучивались наизусть. Подь вечеръ, снисходя къ дѣтскому возрасту, учительницы устраивали невинныя и для здоровья полезныя дѣтскія игры—пѣсни, часто на открытомъ воздухѣ: хороводы, горѣлки, грушицу, гуси—лебеди, лень и другія. На нихъ родители дѣтей были постоянными зрителями. Иногда они, увлеченные играми дѣтей, просили учительницъ перенести свою забаву въ деревню (школа далеко за деревней), и тогда принимали съ увлеченіемъ участіе въ играхъ всѣ малолѣтки и подростки, а смотрѣть на играющихъ собиралась вся деревня, не исключая и стариковъ ухмыляющихся“.

Множество другихъ сообщеній можно было бы привести, если бы не было хорошо каждому извѣстно, что учительница мало мальски усердная, кроткая и благонравная является свѣтлымъ добрымъ теніемъ школы и ангеломъ-хранителемъ ея питомцевъ. Въ этомъ отношеніи она, конечно, превосходить всякаго учителя и воспитателя. Какъ истинная мать, она согрѣетъ своихъ питомцевъ и питомицъ и лаской и нѣжной любовію, научитъ ихъ не только грамотѣ, но и *сердечности*, этому лучшему украшенію жизни всякаго чловѣка даже и взрослога. Никто такъ не сумѣетъ вложить въ дѣтскую душу умиленіе и силу молитвы, какъ она. Никто такъ не затронетъ сердечныхъ струнъ въ дѣтяхъ сообщеніемъ священныхъ событій, какъ она. Никто такъ глубоко не сумѣетъ проникнуть въ дѣтскую душу, осторожно прикоснуться къ дѣтской испорченности, слабостямъ и недостаткамъ, какъ она же, отъ природы надѣленная и лучшимъ искусствомъ врачеванія всевозможныхъ изъяновъ дѣтской души.

Наконецъ, являясь наилучшими учительницами и воспитательницами дѣтей, наши образованныя, ищущія труда и смысла жизни—женщины способны давать и лучшую практическую подготовку къ жизни

своихъ питомцевъ, особенно дѣвочекъ. Онѣ легко приучаютъ ихъ къ порядочности, аккуратности, чистотѣ, хозяйственности, привѣтливости, услужливости, трудолюбію, все-

возможнымъ видамъ рукодѣлій, имѣющимъ пригодиться для многихъ не только для собственныхъ надобностей, но и на честное добываніе куска насущнаго хлѣба.

Изъ переписки нашихъ читателей.

„Зернышки Божіей Нивы упали на добрую почву“¹⁾.

Получивъ № 28-й „Божьей Нивы“, мы прочитали изъ него о выраженіи дѣтскихъ патристическихъ чувствъ своимъ ученикамъ и ученицамъ. Дѣти слушали сообщеніе съ умиленіемъ и выразили желаніе послѣдовать примѣру дѣтской любви къ Царю и Отечеству. Я выяснила имъ, что и дѣти могутъ принести пользу своимъ теплымъ участіемъ въ общемъ дѣлѣ и предложила имъ приготовить корпіи и собрать денегъ, что сколько можетъ.

На другой день дѣти съ удовольствіемъ принесли—кто—полотна, кто холста, чистыхъ тряпокъ, нитокъ, денегъ. Я назначила часъ послѣ занятій для ежедневнаго приготовленія корпіи.

Прошвѣвъ сначала „Спаси Господи люди Твоя“, дѣти принялись за работу. Какая тишина была въ это время! Дѣти какъ будто съ благоговѣніемъ вытаскивали каждую ниточку и клали ее на чистые листы бумаги. На лицахъ дѣтей было написано глубокое тихое состраданіе къ нашимъ раненымъ солдатикамъ. Каждый желалъ, чтобъ его горсточка корпіи облегчила рану больного. Вырывались даже вздохи изъ дѣтской груди и дѣти попросили опять спѣть „Спаси Господи“. Я исполнила ихъ желаніе и общала выучить ихъ пѣть „Боже, Царя храни!“ и „Славься, славься нашъ Русскій Царь“. Дѣти оживились и работа кипѣла. Дѣвочки старшаго отдѣленія сшили изъ собраннаго холста нѣсколько рубашекъ. И каждый день дѣти съ нетерпѣніемъ ждали послѣдняго

урока, чтобы свободно приготовить корпію. Иногда терпѣніе ихъ прерывалось. Посмотришь, во время чтенія они таскаютъ подъ партой ниточки и кладутъ на книжки.

Корпія и рубашки были немедленно отправлены Г-ну Исправнику для препровожденія въ Красный Крестъ.

Выучивъ съ дѣтьми, а также и съ взрослыми пѣвчими, названные гимны, мы просили позволенія у законоучителя, чтобы онъ одобрилъ и позволилъ намъ произвести своеобразную „манifestацію“ 23-го апрѣля. (При церкви смѣшанный хоръ изъ бывшихъ учениковъ и ученицъ школы, около 25 человекъ).

Послѣ обѣдни, когда крестный ходъ возвращался съ рѣчки, ученики вынесли изъ училища портретъ Его Величества Государя Императора къ воротамъ церковной ограды. Весь народъ, около 600 человекъ бывший за обѣдней, остановился и слушалъ дѣтское пѣніе „Боже, Царя храни!“ Портретъ Государя былъ виденъ всѣмъ. Наши мужички съ удивленіемъ смотрѣли на своихъ дѣтокъ и нѣкоторые присоединились къ нимъ въ общемъ возгласѣ „ура“. Старушки и бабы плакали и благодарили. Посыпались трудовыя копѣйки въ церковную кружку Краснаго Креста. Картина была достойная умиленія и восторга.

Да, хоть этимъ, т. е. чѣмъ можемъ, и мы стараемся выразить свой вѣрнопопданническія чувства.

Дѣти пожелали послать свою лепту въ Красный Крестъ черезъ Вашу, дорогую для насъ, редакцію, посему прошу редакцію не отказать въ этой просьбѣ дѣтямъ Флоровскаго училища.

Костромской губ., Нерехтскаго у. Блазновской вол. учительница Флоровской женской школы

Варвара Сокольская.

¹⁾ Подъ такимъ заглавіемъ это письмо было получено редакціею *Божьей Нивы*, которая и печатаетъ его, какъ выраженіе дѣтскаго патриотизма, важнаго не столько количествомъ пожертвованій, сколько настроеніемъ тѣхъ, кои отзываются на бѣдствія родины. Изъ этого письма видно, что какъ ни бѣдны дѣти поселянъ, а они готовы послужить благу родины всею, чѣмъ могутъ.

НАШЪ ДНЕВНИКЪ.

Какая отрада для вѣрующаго хрістіанскаго сердца видѣть большую рать юнаго поколѣнія, объединяющагося въ религиозно-молитвенномъ одушевленіи въ храмъ Божіемъ! Посмотрите, съ какою любовью спѣшать по зову своихъ руководителей, дѣти на какое-либо духовное дѣтское празднество. Вглядитесь въ личики маленькихъ паломниковъ, когда они, иногда послѣ долгаго пути, войдутъ въ какой-либо большой соборъ или храмъ и съ трепетомъ ожидаютъ начала торжественнаго богослуженія, въ которомъ и они, своимъ дружнымъ пѣніемъ, примутъ участіе... Сколько довольства, сколько радости свѣтится въ ихъ глазахъ, которые какъ-будто говорятъ вамъ: „мы не знаемъ устали, когда для насъ устраивается празднество... Какъ одинъ, всѣ мы явились сюда въ отвѣтъ на призывъ добраго участливаго отношенія къ намъ“...

И любовь давно уже научила истинныхъ просвѣтителей народа, жизнь котораго не такъ-то богата радостями, который не такъ-то избалованъ свѣтлыми минутами своего далеко небезпечальнаго дѣтства, дорожить моментами религиозно-нравственнаго единенія дѣтей. Все болѣе и болѣе разрастающіяся паломничества по святымъ мѣстамъ, воскресные часы отдыха съ религиозно-назидательными собесѣдованіями—все это и является таковыми моментами—дѣломъ любви тружениковъ на Божіей нивѣ. Также, несомнѣнно, любовь положила начало и совершаемымъ по разнымъ мѣстамъ празднествамъ 11 Мая, въ день памяти Первоучителей славянъ. То тамъ, то здѣсь, то по столицамъ, то по городамъ совершаются эти празднества. То тамъ, то здѣсь, въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, слышатся отклики на эти празднества, въ коихъ любовь къ дѣтямъ описываетъ, какъ они собирались въ храмы, какъ они бодро и весело проходили по нѣскольکو верстъ прежде, чѣмъ поспѣть къ той или иной святынь, подъ сѣнь святой обители или храма, чтобы здѣсь выслушать торжественное богослуженіе при такой обстановкѣ, при какой рѣдко совершаются празднества въ приходскихъ и тѣмъ болѣе сельскихъ храмахъ. Такъ есть свѣдѣнія о дѣтскихъ празднествахъ 11-го Мая въ Москвѣ, Петербургѣ и др. городахъ, гдѣ бо-

гослуженіе совершали сами Первосвятители. Совершено было, по примѣру прошлаго года; это празднество и подъ сѣнію святой Троицкой Лавры. И ни сырое утро 11-го мая, ни предварившій его двухдневный дождь со снѣгомъ—ничто это не помѣшало любовному стремленію школьничковъ поспѣшить подъ сѣнь великаго пещальника Русской земли. Дружной толпой собрались они сюда, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, изъ Крестовской, Угольной школъ, прошли предварительно предъ литургіей по 10 и 6 верстъ. Къ 9 часамъ въ Успенскомъ лаврскомъ соборѣ собрались дѣти Академической, Лаврской, Призрянской, Крестовской, Петропавловской, Ахтырской, Хотьковской, Угольной школъ и дѣти двухъ Посадскихъ городскихъ училищъ мужскаго и женскаго—всего около 800 человекъ. Литургія въ этотъ день была совершена преосвященнымъ Евдокимомъ, ректоромъ академіи. Послѣ литургіи былъ молебенъ, по окончаніи котораго о. іеромонахомъ Аверкіемъ были розданы дѣтямъ Троицкіе книжечки и крестики. Отслушавъ литургію и молебенъ, а также поученіе преосвященнаго Евдокима, дѣти осморгѣли лаврскія достопримѣчательности. Въ заключеніе имъ была предложена трапеза, послѣ чего они, довольные, возвратились по своимъ мѣстамъ.

Но въ то время, когда на мѣстѣ подвиговъ преподобнаго Сергія происходило молитвенное единеніе церковныхъ и городскихъ школъ, дѣти народныхъ школъ Москвы не могли, къ сожалѣнію, по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ слиться въ текущемъ году въ единую и единомысленную семью, не смотря на то, что добрая попечительность московскаго перво-святителя побудила его снести съ истиннымъ ревнителемъ народнаго просвѣщенія г. министромъ Глазовымъ, который и освободилъ учащихся московскихъ городскихъ школъ отъ обычныхъ для нихъ занятій 11-го Мая для молитвеннаго единенія съ дѣтями церковныхъ школъ. И однако, не смотря на призывъ московскаго архипастыря, обращенный чрезъ г. попечителя московскаго учебнаго округа къ городской Управѣ, послѣдняя „не имѣла времени“ въ отвѣтъ на этотъ призывъ со-

брать подъ сѣнь храма на торжественное богослуженіе птенцовъ школъ, которые, такимъ образомъ, не могли составить одной тѣсной религіозно-объединенной семьи съ питомцами церковныхъ школъ. А между тѣмъ вотъ какія побужденія руководили московскимъ первосвященникомъ, когда онъ обращался съ призывомъ къ городскимъ школамъ: онъ желалъ видѣть дѣтей подъ сводами храма 11-го мая, „ревнуя о томъ, чтобы Русскій народъ хотя въ лицѣ своего учащагося поколѣнія выполнилъ лежащій на немъ нравственный долгъ по отношенію къ Равноапостольнымъ Кириллу и Меодію, какъ его Первоучителямъ“ достойнымъ чтеніемъ ихъ памяти ¹⁾. Но пусть этотъ опытъ объединенія дѣтей пока не удался, пусть любовь московскаго архипастыря къ дѣтямъ не собрала, по не зависящимъ отъ него и дѣтей обстоятельствамъ, на этотъ разъ воедино дѣтей, но мы вѣримъ, что пламенное желаніе святителей и соработниковъ на нивѣ дѣтскихъ сердецъ увѣнчается, наконецъ, полнымъ объединеніемъ церковныхъ, а равно и городскихъ и земскихъ школъ на почвѣ самаго прочнаго и невыблемаемаго единства—на общности религіозно-нравственныхъ стремленій. Залогомъ такого единенія является, по крайней мѣрѣ, то обстоятельство, что и сотрудники г. министра народнаго просвѣщенія признаютъ значеніе дѣятельности церковныхъ школъ. Такъ, одинъ изъ нихъ—попечитель Оренбургскаго Учебнаго округа ²⁾, призывая завѣдующихъ дѣломъ воспитанія народа къ насажденію въ средѣ его знанія въ духѣ вѣры и патриотизма, обращается къ нимъ, между прочимъ съ слѣдующими словами: „гг. начальствующіе и учащіе въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ! я долженъ громко это заявить,—я буду дорожить только школами съ добрымъ направленіемъ обученія и воспитанія. Такихъ школъ, о которыхъ мы недавно читали сообщеніе въ *Празднественномъ Вѣстникѣ* послѣ ревизіи ихъ тайнаго совѣтника Штурмера, мнѣ вовсе не нужно, и существованія ихъ въ Оренбургскомъ округѣ я не допущу. Дирекція и инспекція народныхъ училищъ обязаны зорко слѣдить за направленіемъ всѣхъ подвѣдомыхъ имъ школъ; онѣ мнѣ за него отвѣчаютъ...

„Мы здѣсь не одни дѣятели на нивѣ народнаго просвѣщенія: съ нами встрѣчаются на ней другія вѣдомства. Нашъ искренній имъ привѣтъ, миръ и любовь. Нива эта широка, а дѣлателей мало: всѣмъ хватить мѣста, и никакая между вѣдомственная борьба недопустима, хотя бы уже потому, что каждое вѣдомство дѣлаетъ одно и то же государево и земское дѣло.

„Итакъ, господа, всѣ тѣ изъ васъ, которые будутъ прилагать честныя старанія по долгу присяги и совѣсти воспитывать въ школахъ учащихся въ духѣ вѣры, беззавѣтной преданности Царю-Самодержцу и въ сыновней любви къ великой Святой Руси, будутъ имѣть во мнѣ искренняго, вѣрнаго друга“.

Побольше-бы такихъ руководителей народнаго просвѣщенія и тогда призывъ къ религіозному единомыслію завершился-бы желанными результатами, которые практически подтвердили-бы ту безспорную истину, что въ ряду такъ называемыхъ „празднествъ“ и „праздниковъ“ первое мѣсто принадлежитъ религіознымъ празднествамъ, которыя наилучшимъ образомъ могутъ воспитывать сердце нашихъ православно-русскихъ дѣтей.

При этомъ труженикамъ школъ нѣтъ надобности, конечно, смущаться, что такіе, напримѣръ, дѣятели, какъ попечитель Оренбургскаго учебнаго округа г. Заіончковскій, не встрѣчаютъ сочувствія въ нашей періодической печати, часть которой жадеть „своеобразныхъ вѣяній“ въ педагогическомъ дѣлѣ. Князь Мещерскій въ „Гражданинѣ“ (№ 44) даетъ достаточное разъясненіе, почему такіе труженики встрѣчаютъ такъ мало сочувствія.

„Еще-бы, пишетъ онъ, какъ сочувствовать рѣчи такого попечителя учебнаго округа, который законоучителя въ рясахъ—священника призываетъ стать во главѣ учащихся, который внушаетъ учителямъ русской исторіи свято чтить историческую правду, а учителей русской словесности обяываетъ внушать ученикамъ любовь къ идеаламъ и отвращеніе къ пошлости! Ясно, что если онъ требуетъ, чтобы учитель отечественной исторіи говорилъ съ любовью о Мининѣ и о Сусанинѣ, и съ осужденіемъ о Стенькѣ Разинѣ, то онъ—попечитель несомременный, о которомъ лучше молчать.

„Даже болѣе того, я готовъ биться объ закладъ, что эта прекрасная рѣчь молодого

¹⁾ Моск. Вѣд. 1904 г., № 129, 11 Мая.

²⁾ Моск. Вѣд. 1904 г. № 143, 26 Мая.

и энергичнаго попечителя учебнаго округа вызвала гримасы, морщины и нервныя подергиванія у большей части превосходствъ нашего учебнаго вѣдомства и побудила ихъ сказать: все это, можетъ-быть, очень хорошо, но зачѣмъ все это говорить и высказывать какъ требованіе...

„Навѣрное, они именно это сказали, ибо вотъ сколько лѣтъ, какъ въ этомъ миленькомъ вѣдомствѣ синефранные Песталоцци практикуютъ относительно всѣхъ сотенъ тысячъ учащихся девизъ: слова—серебро, а молчаніе—золото, и все молчатъ: молчатъ, когда анархисты разговариваютъ со школьниками въ своихъ прокламаціяхъ; молчатъ, когда учителя учатъ молодежь въ духѣ этихъ прокламацій; молчатъ, когда уже не тайно, а явно, въ открытыя широко двери, проникаютъ въ школу безвѣріе, вражда къ государственнѣмъ основамъ и идеаламъ; молчатъ даже тогда, когда брошенные на произволъ судьбы ихъ питомцы кончаютъ молодую жизнь самоубійствомъ...

„Вотъ и сегодня раздастся такой одинокій голосъ дѣятеля школы на Руси, голосъ сердца, разума и совѣсти; но, привѣтствуя его, русское сердце не такъ сжимается, какъ прежде, при мысли, что онъ воиетъ въ пустынь;—ибо въ него запала надежда, что кто-то протянетъ руку этимъ одинокимъ дѣятелямъ школы и изъ ничтожества паріевъ, жалкихъ и безсильныхъ, подниметъ ихъ до высоты авторитетовъ.

„Этотъ „кто-то“—новый глава Министер-

ства Народнаго Просвѣщенія, принесши съ собою, вмѣстѣ съ культомъ науки и образованія, завѣты чести и долга русскаго солдата для выполненія задачи возрожденія школы, на него возложенной довѣріемъ Государя.

„Задача эта была бы не только трудна, но невыполнима, еслибъ онъ, подобно своимъ предшественникамъ, убоился отъ дѣла Божьяго отдалить всѣхъ невѣрующихъ, отъ службы Царской—всѣхъ невѣрныхъ, отъ дѣла любви—всѣхъ засохшихъ и бездушныхъ, и злой силѣ вѣдомственнаго молчанія далъ бы перевѣсъ надъ одинокими голосами сердца и разума.

„Но задача эта будетъ легка, ибо къ этому дѣлу, Божьему и Царскому, новый его хозяинъ, несомнѣнно, призоветъ со всѣхъ концовъ Россіи на ниву школы людей вѣры, правды и любви, и изъ нихъ составитъ новую рать христілюбивыхъ руководителей юношества!“

Глубоко вѣримъ, что это такъ и будетъ и что недовольные дѣятельностію честныхъ тружениковъ не помѣшаютъ дѣлу удствленія духовныхъ потребностей нашего Русскаго народа....

Въ редакцію Божіей Нивы поступили пожертвованія на Красный Крестъ:

1) Отъ учениковъ Флоровской школы Костром. губ. Нерехтскаго уѣзда 1 р. 50 к.

Итого съ прежде поступившими 51 р. 16 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Въ поискахъ за честью. (Къ вопросу объ учительскихъ „судахъ чести“). Д. Митрія Введенскаго.—Изъ учительскихъ дневниковъ. Изъ моей школьной дѣятельности. Т. А. Гр.—Въ добрый часъ. (Опытъ устройства сельскаго пріюта для крестьянскихъ сиротъ въ связи съ обученіемъ грамотѣ, рукодѣлію и ремесламъ). С. Г.—Посѣвы и выходы. (Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).—Изъ переписки нашихъ читателей. „Зернышки Божіей Нивы упали на добрую почву“. Варв. Сокольской.—Нашъ дневникъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Зернышки Божіей Нивы“, книжна 19-я.

Редакторъ Епископъ НИКОНЪ.

Печатать дозволяется. Виванія. Іюня 20 дня, 1904 года. Цензоръ, Ректоръ Виванской Духовной Семинаріи, Протоіерей А. Бгльевъ.

Типографія Свято-Троицкоя Сергіевой Лавры.

Цѣна отдѣльному №—10 коп.

Подписная
цѣна на
журналъ 1 р.
съ перес.; вы-
ходитъ
ежемесяч-
но.

АДРЕСЪ:
Сергіевъ по-
садъ, Моск.
губ., въ Ре-
дакцію „Бо-
жіей Нивы“.